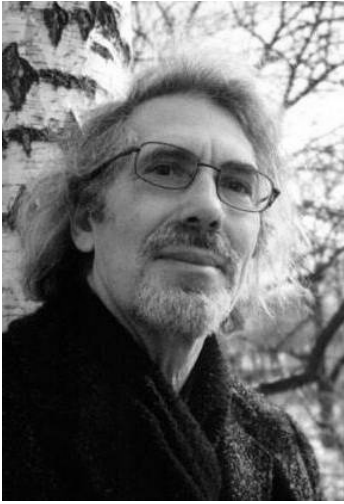

Тут-то меня и ждала ошеломляющая новость. Оказывается, в России давным-давно, почти четверть века назад, это стихотворение Зиедониса в моем переводе сделалось песней, притом не простой, а что называется «культовой». Более того, эти четыре строфы стали буквально судьбоносными для известного ныне русского музыканта, певца и композитора Андрея Мисина, а сама песня не только жива, но и совсем недавно выложена в Интернет в виде нового, чрезвычайно сильного клипа...

Р. Добровенский

Роальд Добровенский
(Рига, Латвия)

НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...

*А*стоящие стихи, как известно, никогда не врут, и правда их подтверждается всякий раз сызнава. Тютчевские строки «Нам не дано предугадать, / Как наше слово отзовется...» отозвались в этой истории самым неожиданным образом.

Лет тридцать назад я перевел несколько стихотворений Иманта Зиедониса, в том числе и такое... (Для тех, кто может прочесть и понять его в оригинале, привожу целиком, а затем переведу текст буквально, слово за словом; получающийся таким образом «подстроч-

ник» в свое время служил сырьем для переводчиков с десятков языков многонационального СССР; западные языки им полагалось знать).

Итак, давнее стихотворение Иманта Зиедониса, далеко не самое известное и — я бы сказал — основательно подзабытое даже латышским читателем.

Kādām dīvainām kustībām, greizām un lauztām,
Kādām dīvainām drēbēm, kas zin no kā austām,
Kādām dīvainām acīm — kā paegļu mežs,
Gar mūsu vārtiem gāja cilvēks svešs.
Un tu man teici: „Tas gājējs tēlo.
Kāpēc viņš tā runā caur vakaru vēlo?”

Pie vārtiem viņš apstājās, sauca mūsu suni,
Kā kaulu tam pasvieda malduguni
Un prasīja: „Kā jūsu krupi sauc?
Vai viņš izlien no paklētš, kad govi slauc?”
Un tu man teici: „Tas gājējs tēlo.
Kāpēc viņš tā runā caur vakaru vēlo?”

„Vai deg jums svecītes pirkstu galos?
Man ir zelta sirds. Vai gribat, lai ar jums dalos?
Un kuru daļu lai jums dod —
To, ko saprot? Vai to, ko nesaprot?“
Un tu man teici: „Tas cilvēks tēlo.
Kāpēc viņš tā runā caur vakaru vēlo?“

Mēs toreiz pa vārtiem to neielaidām.
Tagad gaidām. Vēlreiz gaidām.
Bet nakts kā nakts, un diena — kā diena.
Govs gadā noēd kaudzi siena.
Bet nenāk krupis pēc mūsu piena.
Un dīvaina cilvēka — arī nav neviena.

Подстрочник (ценность которого именно в буквальности; неловкость выходящих тут словесных построений не должна смущать):

Какими странными движениями, кривыми и ломаными,
В какой странной одежде, кто знает из чего сотканной,
С какими странными глазами — как можжевельный лес —
Мимо наших ворот шел человек чужой.
И ты мне сказала: «Этот прохожий играет¹.
Отчего он так говорит сквозь вечер поздний?»

У ворот он остановился, позвал нашу собаку,
Как кость, кинул псу светлячка
И спросил: «Как зовут вашу жабу?
Вылезает ли она из подклети, когда доят корову?»
И ты мне сказала: «Этот прохожий играет.
Почему он так говорит сквозь вечер поздний?»

«Горят ли у вас свечки на кончиках пальцев?
У меня золотое сердце. Хотите, чтобы я с вами поделился?
И какую часть вам отдать —
Ту, которая понятна? Ту, которая непонятна?»
И сказала ты: «Этот человек играет.
Почему он так говорит сквозь вечер поздний?»

Мы тогда в ворота его не пустили.
Теперь вот ждем. Еще раз ждем.
Но — ночь как ночь, день как день.
Корова съедает за год гору сена.
Но не приходит жаба за нашим молоком.
И странного человека тоже — ни одного.

¹ Что-то такое изображает, как актер. — Р.Д.

Перевод обязан отличаться от подстрочника, и стихотворение, рассыпавшееся на отдельные слова, должно возникнуть заново, возродиться уже в другой языковой системе. Восстановление, вернее, выстраивание заново ритма и рифменных созвучий — лишь внешняя часть задачи, суть которой в возможно полном воссоздании глубокого смысла стиха, того, что содержится иной раз не столько в словах, сколько в веществе поэзии, не вполне материальном. При этом «то же самое» получиться не может по определению — никогда. Будет иное, но это иное должно быть максимально родственно оригиналу и в целом, и в деталях. Насколько сказанное относится к моему переводу, не берусь судить. Во всяком случае, вот что у меня тогда получилось.

Станным шагом, неверным, как голос в тумане,
В странном платье из странной, неведомой ткани
Мимо наших ворот человек проходил.
Точно лес можжевельный, взгляд его был.
И сказала ты: «Что у него за душой?
Для чего он тут ходит так поздно, чужой?»

Но собака признала нежданного гостя.
Он ей кинул болотный огонь вместо кости.
«Пьет ли жаба в хлеву молоко по утрам?
Кстати, как ее звать?» — обернулся он к нам.
И сказала ты: «Что у него за душой?
Что за речи завел он так поздно, чужой?»

«А горят ли концы ваших пальцев свечами?
Мое сердце из золота. Поделиться ли с вами?
И которую вам половину отдать?
Ту, что вам непонятна? Ту, что можно понять?»
И сказала ты: «Что у него за душой?
Для чего он тут бродит так поздно, чужой?»

И прохожего мы не пустили в ворота.
А теперь ждем-пождем, ожидаем кого-то.
Но всегда — день как день,
ночь как ночь, дом как дом.
Жаба в хлев не торопится за молоком.
Поедает корова стог сена за год.
Никаких незнакомцев
возле наших ворот.

Наверняка не обошлось без потерь. Не все зависит от переводчика. Например, у латышей есть поверье: если жаба приходит в хлев попить молока, это к добру. Притом жаба в латышском языке не «она», а «он». Разъяснить все это внутри стихотворения русскому читателю никак невозможно. А сноски и комментарии нежелательны, они способны повредить восприятию поэтического текста.

Сместились и некоторые акценты. Ну, например – слово «чужой», использованное автором лишь однажды, у меня употреблялось в конце рефрена, завершая его, и стало самым акцентированным, самым ударным, можно сказать, главным словом стиха. Могло быть иначе. Можно было перевести рефрен, к примеру, так: «Ты сказала: "Тут что-то не так. В поздний вечер / Нам совсем ни к чему эти странные речи"». Это было бы даже «ближе» к оригиналу, но тогда, по-видимому, не состоялось бы ничего из того, что будет описано ниже.

Перевод опубликовали в журнале, в одном из московских изданий, в антологии латышской поэзии. Чуть ли не от самого Иманта Зиедониса я услышал, что этот перевод очень хвалила ему Мирдза Бендрупе, латышская поэтесса, много лет прожившая в Крыму, которая прекрасно перевела на родной язык пушкинского «Онегина».

А затем все, как говорится, смешалось в доме Облонских. Никуда не уезжая, мы оказались к началу третьего тысячелетия от Р.Х. жителями другой страны с другим государственным строем; мы вдруг очутились в новом мире с нарастающей лавиной информации, с интернетом, очевидно воплотившим в себе мифический ящик Пандоры. Бывали в истории столетия, менявшие человечество гораздо меньше, чем два десятка лет, прожитые с тех пор всеми нами.

И вот однажды я припоминал события и занятия той прежней, давно ушедшей жизни. И строки, свои и чужие, относящиеся к тем временам. С огорчением обнаружил, что запомнил пару строк своего перевода из Зиедониса, которым вообще-то дорожил. И наудачу набрал в поисковой строке «Гугла»: «Станным шагом, неверным, как голос в тумане...»

Тут-то меня и ждала ошеломляющая новость. Оказывается, в России давным-давно, почти четверть века назад, это стихотворение Зиедониса в моем переводе сделалось песней, притом не простой, а что называется «культовой». Более того, эти четыре строфы стали буквально судьбоносными для известного ныне русского музыканта, певца и композитора Андрея Мисина, а сама песня не только жива, но и совсем недавно выложена в Интернет в виде нового, чрезвычайно сильного *клипа* – употребляю слово, которого в прежней своей жизни, правду говоря, даже не слышал.

Процитирую отзывы слушателей, недавно мной обнаруженные в том же Интернете.

- «В 1989 году слушал Мисина вживую на каком-то сборном концерте. Ох, он тогда "Чужого" дал! Тому уж больше 20 лет, а я до сих пор помню, как продрало до костей».

- «Песня про Бога».

- «Молодец! Хорошо сделал. Получилось даже слегка жутковато, то есть как и сама песня».

- «Потрясающая песня! Пробирает дрожь от этой мистики, от инфернальности, да еще в таком завораживающем голосе Мисина...»

- «Таинство, мистика и еще что-то. Просто исключительно. Слов не хватает, как околдовывает душу!!!»

- «Просто супер!»

- «Обалденная песня!»

Ну, виноват я. Отстал, не слежу за музыкальными событиями в России, многое пропустил. Захотелось больше узнать о композиторе. Читаю: «Андрей Мисин стал одним из открытий 1989 года. Его песня "Чужой" и необычный музыкальный стиль привлекли к певцу и композитору самое пристальное внимание», «...и уже вскоре Андрей Мисин был знаменит на всю страну благодаря песне "Чужой"».

Первая авторская грампластинка, выпущенная композитором в том же 1989 году, называлась так же — «Чужой».

В одном из давних интервью певца и композитора (его вещи поют Пугачева, Леонтьев, Орбакайте; сам он называет эту часть своего творчества «работой на рынок») читаем: «Десять лет назад, после бесконечных проб и ошибок, Бог вывел меня на стихотворение "Чужой". Я, можно сказать, неосознанно написал балладу. До меня не сразу дошло, что это достаточно религиозное произведение. В контексте... звучит тема Христа, пришедшего и говорящего: "Вот все, что вам нужно", а ему отвечают: "Да пошел ты! У нас и так все есть!"»

Нужно сказать, ни в оригинале, ни в русском переводе названия этого — «Чужой» — у стихотворения не было. Но слово это, трижды, как заклинание, повторенное в русском тексте в конце рефрена, композитор еще и полностью отделил от всего предыдущего, дал как бы особой строкой. Это слово — «чужой» — с огромной силой произносится, пропевадается после паузы и, соглашусь с одним из слушателей, действительно «продирает до костей».

Вкладывал ли Имант Зиедонис в свое стихотворение именно тот смысл, который выявился в прочтении русского композитора? Думаю,

вряд ли. Но ведь и до самого композитора «не сразу дошло», в какие глубины и высоты занесло его, да и нас с ним вместе. Дело в том, что отпущенное в самостоятельное плаванье авторское творение неизбежно прирастает новыми смыслами, раскрывается гранями, о которых сам творец мог не подозревать. И в то же время возможность этих расширений, разрастаний заложена в первоначальном замысле, как древесная крона в малом семечке.

Что касается песни «Чужой», — ее можно послушать, а при желании и скачать бесплатно на свой компьютер; найти ее просто — наберите в поисковой строке слова «Странным шагом, неверным, как голос в тумане...»

Песня, поверьте, редкостная, к музыкальному ширпотребу, к нынешним скоротечным «хитам» поп-музыки никак не причастная. Впрочем, зачем верить мне на слово. Проверьте. Слушайте, смотрите, судите сами.